

Люк постепенно приходил в себя, его чувства все еще были ошеломлены продолжительным эхом какофонии, которая обрушилась на его уши, а кожу покалывало от ощущения множества крошечных царапин и ссадин. Он обнаружил, что лежит на девственно белом полу, одетый в девственно белую одежду, с обнаженными руками и ногами, и багровый отпечаток отмечал то место, где его окровавленные лицо и рука соприкасались с поверхностью.

Люк перекатился на спину, и это движение вызвало у него вспышку визуального фейерверка. "Ты нарушил соглашение", - заявил Палпатин, его голос кипел от едва сдерживаемой ярости. Люк посмотрел в сторону и увидел императора, одиноко сидящего на стуле в ярко освещенной комнате с изогнутыми стенами, в пустом пространстве не было других людей. Люк хотел было сесть, но решил остаться лежать, подняв руку, чтобы прикрыть свои нежные глаза от безжалостного света. В голове у него пульсировала боль, и в холодном воздухе слова звучали невнятно. Когда соглашение было заключено, он был освобожден от его оков. - Действие пакта прекращается на рассвете этого дня, ровно через двенадцать недель с того момента, как мои товарищи были освобождены, - заявил Люк с оттенком безразличия. Несмотря на то, что он осознавал опасность, он был уверен, что пакт вступил в силу прошлой ночью, когда они обменялись рукопожатиями. Взгляд императора сузился, его гнев сменился чувством удовлетворения от рассуждений Люка. Люк не столько пренебрегал правилами, сколько приспособливал их к своим потребностям, и это было то, что Палпатин разглядел в нем. Стремление использовать средства для достижения целей погубило многих хороших людей, включая собственного отца Люка. Люк ничем не отличался от других, и Палпатин уже видел, как под давлением обстоятельств у него появляется новая грань. Он наблюдал, как крепнет решимость Люка стать джедаем, а его восприятие становится более жестким. Палпатин понимал, что принципы Люка становятся размытыми, и он стал свидетелем захватывающей постепенной трансформации мировоззрения Люка.

- Я здесь не для того, чтобы вступать с вами в какие-то конкретные дискуссии, - сказал, наконец, Ситх. Люк произнес слова, которые жаждал произнести долгих двенадцать недель. Он осознавал возможные последствия, но был полон решимости четко сформулировать свои мысли. - Молчи, - приказал он.

Ответ последовал незамедлительно. Не было ни предостережений, ни угроз, ни возможности раскаяться. Император двинулся вперед, из его рук со скоростью молнии вырывались разряды чистой белой энергии. Они ударили Люка, отбросив его к стене с силой тряпичной куклы. Удар вызвал оглушительный треск, который эхом разнесся по воздуху, заставив Люка задыхаться, ощущая вкус крови во рту.

Опустившись на колени, Люк согнулся пополам, пытаясь восстановить дыхание. Каждый вдох отдавался болью в груди, свидетельствуя о сломанных ребрах. Он не знал о существовании такой травмы, не говоря уже о ее лечении.

"Глупец", - заявил Палпатин, и в его голосе зазвучала ярость. "Я предлагал тебе все возможности достойно принять предназначенную тебе роль, но ты отвергал их все. Разве ты не ожидал такого исхода?"

Люк, все еще пребывавший в смятении от нападения Палпатина, глубоко вздохнул. - Моему терпению есть предел, - продолжил Палпатин, и в его словах прозвучала угроза. Второй снаряд поразил его мгновенно, отбросив к стене с такой силой, что его голова с глухим стуком ударилась о поверхность, вызвав замедленную съемку искаженного восприятия, поскольку слуховые ощущения стали приглушенными, а визуальная четкость уменьшилась.

Затем мучительная боль в груди резко вернула его в сознание, и он повалился вперед, хватая

ртом воздух короткими, затрудненными глотками. Когда он выдохнул, то заметил на земле кровавый след, его легкие сжались от напряжения, а потрясенные мышцы напряглись в такой борьбе, что у него онемела грудная клетка.

Третий снаряд последовал без предупреждения, не оставив ему времени собраться с силами или мысленно укрепить свою оборону. Другой. Все, что он пережил, было мучительной болью, белый свет, обжигающий глаза, жар, такой сильный, что он заставил его мышцы сжаться, а легкие сжаться. Не было ни времени, ни сознания, только мучительная глубина страдания, которая поглотила все остальное.

Палпатин обрушил свою атаку без пощады и сдержанности, подпитываемый свирепой яростью из-за продолжающегося неповиновения Скайуокера. Эта ярость привела его в состояние мстительной ярости, когда он направил все свои темные эмоции на молодого джедая с ошеломляющей силой. Эта неистовая ярость придала ему физическую силу, когда в сторону мальчика полетели острые лучи света, ударив его и пригвоздив к земле. Ярость хлестала и кромсала его, пока он не закричал в агонии, но Палпатин просто наблюдал за его страданиями. С невообразимой медлительностью и намеренной злобой Палпатин давил на кости мальчика, пока они не поддались с хрустом и треском ломающихся костей. Его джедайская выучка не издавала ни звука, только тихий свист воздуха, когда его тело принимало на себя безжалостные удары. Вся сила и дух покинули его.

В наступившей продолжительной тишине тяжелое дыхание мальчика эхом разносилось по пустой комнате. Воздух был насыщен резким запахом гари и обожженной плоти, к которому примешивался тяжелый металлический привкус. "Никогда не угрожай мне, - решительно заявил Палпатин, - никогда".

Он хранил молчание в течение нескольких минут, наблюдая, как мальчик колеблется между сознанием и бессознательностью. Наконец, удовлетворившись этим, он подошел к мальчику. Склонив голову набок, он внимательно изучал мальчика с молчаливым восхищением. Люк медленно открыл свои горящие глаза и увидел, что Палпатин протягивает к нему руку — нежно, почти сочувственно. Если бы он мог пошевелиться, он бы так и сделал. Вместо этого Палпатин схватил его за голову и повернул ее к себе, когда заговорил леденящим душу голосом.

- Я предложил тебе все, но ты отвергла меня. Теперь я вижу, что с моей стороны было ошибкой не разъяснить тебе альтернативы. Не показав тебе последствий твоего выбора, я был слишком снисходителен, позволяя слишком много самостоятельного мышления и свободы выбора. Это больше не вариант. Ты растратила свою благосклонность, дитя. Теперь у тебя нет выбора. С этого момента каждое твое действие и слово будут иметь последствия. Тщательно подбирай слова, потому что я сам буду выбирать свой ответ."

Палпатин поднялся со своего места, шурша темными одеждами, и направился к двери, скрывая свои эмоции за маской самообладания. Остановившись, он повернулся к человеку в углу, который лежал без сознания. "Больше никаких игр", - заявил он.

Хан сидел, потягивая третью за день порцию виски, прислушиваясь к шуму в кантине "Третий удар" и изо всех сил стараясь не обращать внимания на тревожное чувство в животе. Что-то было не так. Люк еще не появился. Предполагалось, что он будет здесь сегодня утром, чтобы наладить связь на "Соколе", чтобы они могли пристыковаться где-нибудь в столице и улететь вместе. Хан уже дважды замечал Каррика, когда тот бродил по причальному отсеку на всех трех соединенных островах.

На самом деле острова Тайрен были вовсе не островами, а скорее набором обширных жилых платформ, расположенных на высотах промышленных комплексов, которые изначально предназначались для строительства недорогого жилья. Как это часто бывает в таких районах, жители, не отличающиеся щепетильностью, заняли это пространство. Хан сидел в кантине "Третьего удара" и все ждал и ждал. Он перебирал свои воспоминания, уверенный, что сказал "Третий удар". Молодой человек был осторожен, поскольку вырос на негостеприимной планете, где рисковать было делом не из легких. Не имея возможности связаться друг с другом, они договорились о плане, и он должен был зарегистрироваться, как только доберется до места назначения. Если бы он не смог этого сделать, то нашел бы способ предупредить Хана, даже если бы это означало поднять шумиху, когда его поймут, чтобы все об этом заговорили.

Что-то было не так. Предыдущим вечером он отправил короткое сообщение на аварийной частоте, оставив только код для связи. Он знал, что Альянс попытается связаться с ним, но от них не было никаких известий. Он рассудил, что Люк скоро прибудет и они уже свяжутся друг с другом. Он надеялся, что сможет обменять скиммер, который привез сюда, на запчасти для ремонта "Сокола", а затем улететь на скоростном судне. Ему следовало сделать это раньше, но еще не было слишком поздно.

Его размышления были прерваны, и желудок снова сжался при мысли о скиммере. Он сменил скиммер на... В памяти всплыли слова Люка, сказанные накануне: "У вас есть позывные для ваших скиммеров? На самом деле, не говори так в открытую". "Какой позывной у моего скиммера?" Идиот! Хан выругал себя. Почему он этого не заметил? Как Люк узнал? Как он мог узнать, что я украл скиммер? Я никогда не упоминал об этом — ни разу. В ангаре были всевозможные спидеры и шаттлы — как мальчик мог узнать, что я взял скиммер, если он не видел записи с камер наблюдения? Это означало, что он все еще должен был находиться в рубке управления, а значит, он не рискнул приблизиться к стыковочному отсеку или "Соколу", и у него не было возможности сбежать. Хан лихорадочно соображал, пытаясь сложить кусочки головоломки, вспоминая другие фрагменты разговора.

- Помнишь то тихое место, где мы встретились?... Встретимся там? Куда? Хан никогда не раскрывал Люку точных координат островов Тайрен. Он держал эту информацию при себе. Он в отчаянии покачал головой, когда до него начал доходить весь смысл действий ребенка. - Тебе следовало сбежать, - тихо пробормотал он, понимая, почему мальчик так поступил.

Он достал из-за пояса свой прибор. "да!"

"Сэр, по этому каналу поступило сообщение. Не могли бы вы, пожалуйста, представиться?"

Надежды Хана таяли по мере того, как он ссутуливался. - Мой идентификационный номер 77285. Я связан с подразделением 109, и мне требуется эвакуация и связь с базой "Родной мир" как можно скорее.

"Будьте на связи, сэр. Мы проверяем вашу личность", - ответил голос. Хан ждал, его мысли метались. Все будет в порядке. У него все получится. Он вернется на базу повстанцев и соберет команду командос. Примерно через неделю он может вернуться. Он знал расположение дворца и где, скорее всего, будет Люк. Да, это могло сработать.

Даже если высокопоставленные чиновники считали, что это невозможно - а они, скорее всего, так и делали, — Хан мог собрать группу союзников и сформировать штурмовую группу. Люк часто выполнял секретные задания для команды специальных операций, и они ничем не рисковали. Молодого человека все любили, так что у Хана был широкий выбор потенциальных

новобранцев.

- Подожди, Люк, - пробормотал Хан, беспокоясь о последствиях, с которыми может столкнуться молодой человек. - Просто подожди.

- А как у тебя дела сегодня, мой дорогой друг? нежный и дружелюбный голос донесся до Люка сквозь туман в его сознании, когда он постепенно пришел в себя. Острая боль пронзила его, когда он попытался поднять голову на голос, но только для того, чтобы осознать, что лежит, растянувшись, на холодном полу, где упал накануне. Он не ответил, вместо этого сосредоточив взгляд на тусклом свечении в комнате, озадаченный всепроникающей темнотой. Кривизна стен, лишенных каких-либо признаков потолка, еще больше дезориентировала его чувства. Камера казалась идеальной полусферой. Палпатин навис над ним, возвышаясь в тени, его темно-красная мантия касалась лица Люка. Единственным желанием Люка было закрыть глаза и отдохнуть, его левая рука и правая нога пульсировали в агонии, предплечье у запястья было сломано, а пальцы горели от боли. Он медленно моргнул, а когда снова открыл глаза, то увидел Ситха, сидящего в кресле и наблюдающего за ним с небольшого расстояния. Люк резко вдохнул, отчего его грудь пронзила новая волна боли. Он не мог бы сказать, как долго его глаза были закрыты.

- Ты был в целительном трансе, - бесстрастно заметил император. Люк вспомнил, как проснулся в темноте, собрав все свои силы для медитации, как и велел мастер Йода. Он представил себя в Облачном городе, балансирующим на руках вниз головой, его руки дрожали, в голове стучало от долгого пребывания в этой неестественной позе. Внезапно он понял, как важно без усилий входить в это состояние сознания. Это был урок, который он не хотел бы повторять. Ситх заявил: "Это невыносимо". Проснувшись ранним утром, Палпатин подумал про себя: "Такого больше не повторится". Противоречивый резонанс светлой стороны Силы столкнулся с тьмой, в которую он уже давно погрузился. Он знал, что это мог быть только мальчик, и мгновенно понял его намерения. Подготовки было немного, но исполнение было скрупулезным и точным — безупречным. Несмотря на это, получилась идеальная гармония... ею нельзя было не восхищаться. Конечно, это было невыносимо; это мешало планам Палпатина, и поэтому с этим нужно было бороться безжалостно. "Если ты сделаешь это снова, я буду причинять тебе все больший и больший вред, пока ты не станешь непоправимым", - заявил он мальчику.

Мальчик не ответил; он вообще не пошевелился. Он лежал навзничь, прижав к животу раздробленную руку. Его дыхание было затрудненным, так что Палпатин, сидевший в нескольких шагах от него на своем стуле, мог различить биение его сердца о ребра и прерывистое дыхание. Он был полон решимости повести джедаев по этому опасному пути, но для молодого человека было важно чувствовать, что у него нет выбора, особенно в связи с его связью с Силой. Естественно, лекарство, на разработку которого Палпатин потратил немало усилий, теперь должно было пойти своим чередом. Разработка специфичных для ДНК и самовоспроизводящихся лекарств была обычным делом, но на создание такого, которое могло бы поддерживать устойчивое химическое равновесие в организме джедая даже при высоком содержании мидихлориана, ушло два года. По иронии судьбы, Палпатин предоставил своим химикам образец крови Вейдера для эксперимента, а не своей собственной, поскольку кровь человека, чувствительного к Силе, была необходима, чтобы понять, как манипулировать мидихлорианами.

Ирония ситуации стала очевидной, когда выяснилось, что личность ребенка приблизит химиков к желаемой формуле. Подобные совпадения всегда добавляют интриги в жизнь, но именно эти трудности делают ее по-настоящему увлекательной. Этот препарат позволил бы

Палпатину гарантировать, что у ребенка не будет доступа к драгоценной Силе, если только он, Палпатин, не предоставит ее. Его разум слишком рассеян, что гарантирует определенный, точный уровень, достаточный для того, чтобы в отсутствие Палпатина он был одурманен до бессознательного состояния или просто впал в летаргию и апатию перед лицом своего мучителя. Несмотря на то, что он был дезориентирован и пассивен, "Сядь!" - приказал Палпатин.

Несмотря на наркотики, Палпатин не удивился, когда мальчик проигнорировал его; он был доволен, даже потакаая своим желаниям. Палпатин склонил голову набок, изучая неподвижную фигуру перед собой. Безликая белая майка мальчика испачкана неровными пятнами засохшей коричневой крови. Его обнаженные руки и плечи покрыты синяками, а на лице - ссадины и пятна крови.

Итак, сегодня игра начинается. Между ними состоится настоящее состязание на сообразительность, без каких-либо тайных планов или намерений. Все будет честной игрой. Как долго он сможет продержаться? День, неделю, возможно, даже дольше? Прежде чем он перестанет сопротивляться, сколько времени понадобится Палпатину, чтобы проникнуть в его беспокойный разум и манипулировать им? Мальчик обернулся, возможно, уловив тень этого стремления, и Палпатин позволил слабой улыбке промелькнуть на его бескровных губах. Игра началась.

Люк повернулся, и его янтарные глаза встретились с бледно-голубыми глазами Палпатина. Почувствовав едва заметное движение в темноте, он внезапно оказался под пристальным взглядом Повелителя ситхов. Волна энергии пробежала по Силе, словно острие клинка, заставив его вздрогнуть от дурного предчувствия. Но энергия была направлена не на него; это был мягкий приказ, направленный в другое место, и он выдохнул, хотя и не расслабился.

Он понял, что Мара находится снаружи камеры. Дверь открылась, и двое охранников вошли тяжелыми, решительными шагами. Только после того, как Люк продолжил смотреть на дверь, ожидая появления Мары, он заметил, что коридор за ней также погружен в темноту. И тут до него дошло, что помутнение в его глазах было вызвано не только этой камерой. Сильные руки подхватили его под мышки и подняли, вызвав сильную боль в его ноющих мышцах, заставив его задохнуться, когда сломанная лодыжка царапнула кость. Его дыхание затуманилось в холодном воздухе, когда его усадили на второй стул, который затем протащили по грязному полу и поставили у стола перед Палпатином, который наблюдал за ним холодными, пронзительными глазами. Охранники покинули камеру, оставив Люка и Мару наедине.

Люк обмяк на стуле, его голова слегка покачивалась, когда дрожь сводила его усталые мышцы. Все, чего он хотел, - это лечь на жесткий пол и задремать. Он взглянул на стол, где лежала его покрытая синяками и кровью рука. Он смотрел на это несколько мгновений, прежде чем понял, что его руки были связаны длинной тонкой проволокой, которая обвивалась вокруг каждого запястья и соединялась сама с собой.

Он внимательно разглядывал проволоку. Он вспомнил, что видел ее раньше, но не мог вспомнить, когда именно.

Император сидел в уединении, ожидая прибытия джедаев. После продолжительной паузы он нарушил молчание словами: "Важно, чтобы вы поняли: какие бы действия я ни предпринял против вас вчера, я повторю их сегодня".

Молодой человек поднял глаза на императора, и Палпатин дал ему время осознать важность

его слов. Он не ожидал немедленного ответа, а скорее хотел, чтобы молодой человек полностью осознал серьезность ситуации. Взгляд молодого человека был тусклым и встревоженным, но Палпатин заметил в его глазах понимание.

"Если вы бросите мне вызов, возмездие будет быстрым", - продолжил Палпатин. "Помните мое предупреждение — подумайте хорошенько, прежде чем действовать. Я не буду колебаться", - подчеркнул он. Несмотря на спокойный и взвешенный тон его голоса, скрытая угроза была очевидна. Глаза юноши расширились от удивления, и по его телу пробежал прилив адреналина. Палпатин, полностью завладев вниманием юноши, откинулся на спинку стула, не сводя взгляда с джедая. - Нам следует прояснить наши позиции, - предложил он с намеком на улыбку. - Ты не первый джедай, с которым мне приходится иметь дело... но ты должен знать, что я побеждал других, которые были такими же сильными и преданными своему делу, как ты. - Он сделал долгую паузу, его глаза блеснули в тусклом свете, - Это мое призвание, - сказал он. "Это то, что доставляет мне огромное удовольствие. Я преуспеваю в этом".

Благодаря служению вашего отца мне, которое было образцовым, я готов предоставить вам последний шанс доказать свою состоятельность. Ваша преданность заслужила эту возможность, но имейте в виду, что она действительно последняя. Я хочу, чтобы вы полностью осознали последствия своего решения. Ты можешь решить остаться здесь, позволяя себе постепенно разрушаться, медленно теряя силу и решимость, пока не останется ничего, кроме этих стен и моего присутствия. В качестве альтернативы, ты можешь положить конец этой борьбе и ответить на вопрос, который я собираюсь задать.

Если вы выберете последний вариант, эта дверь распахнется, и вы вернетесь в свои покои, выполняя мои явные и подразумеваемые приказы, создавая для себя будущее, к которому вы предназначены... и считая себя чрезвычайно удачливым.

Вот варианты, доступные вам сейчас: уступка или принуждение. В любом случае вы должны подчиниться. Здесь нет места для интерпретации. Это неизбежно... Вы понимаете?

Мальчик со склоненной головой и нейтральным выражением лица молча разглядывал свои руки, не подтверждая и не отрицая. Палпатин откинулся назад, давая ему время на размышление. Затем... - Я ищу одного, и только ты можешь знать, где он находится... Он снова позволил тишине повиснуть между ними, понимая, что джедай предвидел этот вопрос. Это было испытание на верность в чистом виде, выбор, который требовал твердости и ясности. Здесь не было места колебаниям, не было места двусмысленности. Молодой человек мог ответить или отказаться — и сам этот выбор говорил о многом. «Скажи мне... где мастер Йода?»

Скайуокер сделал короткую паузу, а затем медленно, но с нарочитой осторожностью покачал головой. Палпатин заметил его колебания.

- Вы уверены? Вы действительно уверены, что это тот ответ, которого вы хотите? Задумайтесь хорошенько — спросите себя, почему это так важно для вас.- продолжил Палпатин. — Он предал вас, обманул, манипулировал вами «использовал вас. Ты защищаешь того, кто замыслил отправить тебя на задание, в котором ты, сам того не желая, убьешь собственного отца — того, кто считал тебя ущербным еще до того, как ты сделал свой первый вдох. Почему ты защищаешь его?» Мальчик уставился на свои изуродованные пальцы, медленно, сосредоточенно моргая, его веки опустились на глаза. "Я прошу только об одном. Назовите мне имя — место, мир — и на этом ваше участие закончится. Никто за пределами этих стен никогда не узнает. Я предлагаю это без условий, без стыда."

Палпатин протянул руку, чтобы ухватиться за тонкую проволоку, стягивавшую запястья джедая, подтянул ее к себе через стол и потянул за собой руки мальчика. Когда мальчик глубоко вздохнул, его плечи поникли, а взгляд остановился на его раздробленном запястье, Палпатин заговорил: "Я предлагаю тебе возможность, мой друг — шанс покинуть эту камеру, пока ты еще можешь. Такого предложения больше не поступит, поверь мне. Молодой человек оставался напряженным и неподвижным. Он остро осознавал пределы своей физической выносливости. Палпатин продолжил: "Не действуйте из слепой преданности или упрямства. Подумайте о последствиях своих действий. Подумайте об альтернативных путях. Одно-единственное высказывание может освободить вас из этой камеры и из этого предложения."

Наконец Скайуокер поднял голову, чтобы посмотреть в глаза Палпатину, и заявил: "Нет".

"А ты?" - с улыбкой осведомился Палпатин, ослабляя хватку на ремнях и откидываясь на спинку кресла. В его тоне слышалось веселье, когда он заметил: "Одно слово действительно может многого добиться, мой друг, но не совсем сейчас. Но это также может укрепить доверие, - Скайуокер покачал головой. - Я не верю, что ты способен на такой поступок, - сказал он твердым голосом. Император посмотрел на него в ответ, отметив легкую дрожь в его голове, когда он боролся с последствиями как лекарств, так и травмы. Несмотря на свое упрямство, Скайуокер не дрогнул под пронизательным взглядом Палпатина. Было бы глупо и безрассудно бросать вызов такому могущественному человеку, зная о возможных последствиях.

Джедай снова покачал головой, категорически отказывая Палпатину в какой-либо информации о местонахождении своего друга. Глаза Палпатина сузились, и он обратился к Силе, пытаясь проникнуть в разум джедая. Он знал, что Йода должен быть там, скрытый в мыслях джедая, но джедай собрал всю свою силу и слегка наклонил голову, эффективно защищая свой разум от Палпатина. Несколько мгновений они стояли в напряженном противостоянии, воздух был насыщен напряжением. Внезапно Палпатин развернулся и ушел, оставив джедаев в состоянии легкого беспокойства. Его голос доносился из тени, когда он говорил, не поворачиваясь к ним лицом. - Вы действительно верите, что сможете помешать мне? Джедай замолчал, осознавая собственную усталость и травмы, но все же он не мог не взглянуть на ситуацию еще раз.

Это не было вызовом, но он знал, что Палпатин не потерпит ни малейшего намека на слабость или равенство — не здесь. Повелитель ситхов повернулся, и тусклый свет частично осветил его лицо, подчеркнув бледность в резких тенях.

Люк почувствовал изменение атмосферы, осязаемое напряжение в воздухе, сопровождаемое приливом энергии, от которого по спине побежали мурашки. Адреналин заструился по его венам, а мышцы напряглись в ожидании неминуемой угрозы. Он крепче вцепился в проволоку, связывавшую его, и его дыхание стало прерывистым. Но он не сдавался — только не на это. С опущенным лицом и устремленным вперед взглядом он сделал несколько неглубоких вдохов, понимая, что Палпатин ожидает его капитуляции. Он прекрасно понимал возможные последствия — борьба не на жизнь, а на смерть, если возникнет такая необходимость. "Я думал, мы закончили нашу игру..." Его слова растворились во всплеске кинетической энергии, которая вышибла воздух из его груди с большей силой, чем любой физический удар. Сила выбросила его из кресла, и он скорчился на полу, пытаясь отдышаться. Он съехал в защитной позе, но безрезультатно. В наступившей тишине стул с громким стуком упал на пол.

Палпатин наблюдал, как молодой человек пытается отдышаться после удара, его лицо было лишено каких-либо эмоций. В тот момент он был не в состоянии действовать и спросил: "Где мастер Йода?"

Его руки потянулись к мужчине, который задохнулся в агонии и закрыл глаза, сжимая ребра.

Не дрогнув, Палпатин выпустил еще одну силовую молнию, заставив мужчину с криком боли отлететь назад.

"Где сейчас мастер Йода?" повторил он, его руки по-прежнему были направлены на мужчину, от них исходила бело-голубая аура силы. Палпатин дал джедаям краткий миг на осмысление, а затем выпустил в них еще одну молнию. Они были отброшены назад к стене, их крики затихли, а дыхание покинуло их легкие. Палпатин позволил своим рукам безвольно упасть по бокам и приблизился к сопротивляющемуся молодому человеку, чье дыхание было прерывистым. Он наклонился и осторожно приподнял голову мальчика, который с трудом переводил дыхание. Мысль о сопротивлении или самозащите оказалась для мальчика недоступной. Из носа у него текла кровь, а на лице виднелись следы жестокого столкновения с полом, обнажая ободранную и кровоточащую кожу. Старые травмы вновь открылись, сделав его уязвимым.

Когда он заговорил, голос Палпатина был мягким, но лишенным жалости. "Где мастер Йода?" - спросил мальчик, закрывая глаза и отворачиваясь. Палпатин осторожно положил руку на вздымающуюся грудь мальчика, а другой рукой обхватил его подбородок. "Где?" От шока мышцы мальчика свело судорогой, и он запрокинул голову от боли. Он вскрикнул, когда резкий, ослепительный свет залил темную камеру, превратив ее в комнату, залитую дневным светом. Энергия, сконцентрированная в холодном воздухе, создала резкий металлический запах. Палпатин снова поднял голову, и мальчик, едва находящийся в сознании, тяжело дыша от боли, ахнул. Палпатин улыбнулся, довольный упрямством мальчика и удивленный тем, что ему удалось выдержать нападение.

Он схватил Скайуокера за обожженные и окровавленные щеки, готовый нанести еще один удар. Затем он прижал большие пальцы к трепещущим векам мальчика, и окружающий их свет усилился. - Ннн... Это не было откровенной мольбой, но Палпатин заколебался, когда Скайуокер напрягся, позволяя энергии рассеяться в легком шоке. Мальчик забился в конвульсиях, дыхание перехватило в ожидании. - Нет? Твоя решимость так легко поколебалась, что ты просишь пощады? Какой же ты слабый, мальчик. "Правда заключалась в том, что мальчик еще не поделился информацией, и поэтому Палпатин воздержался от дальнейших расспросов. Вместо того, чтобы даровать ему этот триумф, он решил манипулировать ситуацией, заставив джедаев поверить, что потерпел неудачу. Он протянул руку, вытирая кровь, которая капала с его разбитой губы. Его жест казался пустым, когда он наклонился ближе и прошептал на ухо мальчику.

- Какой ты хрупкий, джедай, - сказал он. - Как легко ты теряешь контроль. У тебя есть сила остановить это, и ты это знаешь. Это живет внутри тебя... как волчий вой в темноте. Ты утверждаешь, что желаешь свободы, но отказываешься воспользоваться единственным средством, которое может помочь тебе достичь ее. Я тебе не враг, дитя. Я пришел, чтобы помочь тебе... и я сделаю все, чтобы освободить тебя от их власти и направить к просветлению."

Люк слышал эти слова, но они были заглушены сильной болью, охватившей его чувства. Он закрыл глаза, пытаясь убежать от реальности, борясь за дыхание, несмотря на мучительную боль в ребрах. Тяжелая дверь распахнулась с металлическим скрежетом, от которого дрожь пробежала по холодному полу и проникла в самую сердцевину его существа. От нового приступа агонии у него перехватило дыхание, когда его похититель наклонился ближе и провел ногтями по обнаженной плоти, заставив Мару Джейд вздрогнуть.

"Однажды ты поблаговаришь меня за это", - пробормотал мужчина, когда Мара вошла в зал, почтительно поклонившись императору Палпатину. Он зашагал прочь, оставляя за собой алый след от своего плаща. Мара приблизилась и наклонилась, чтобы оказаться на одном уровне с

ним. Ее зеленые глаза осматривали происходящее, но ее разум, измученный болью, в тот момент был не в состоянии что-либо осмыслить. Она посмотрела на Императора, но он уже исчез в дверном проеме, растворившись в пустоте, и зрение Люка померкло. Он почувствовал, как она схватила его за раздробленную руку и перевернула, что сопровождалось приступом мучительной боли, от которой у него перед глазами все потемнело. Боль отдавалась в его лодыжке и запястье снова и снова, несмотря на то, что он не мог издать ни звука.

Она осторожно положила его голову ему на руку, чтобы он не задохнулся, а затем поставила маленький чемоданчик на землю. Она зарядила шприц и, почувствовав острую боль в его вене, ее мысли о сопротивлении рассеялись. Боль была незначительной по сравнению с другими ранами, и его мышцы расслабились под действием лекарства. Последним, что он помнил, было ее лицо, пристально смотрящее ему в глаза, ее рука, нерешительно протянутая к нему... а затем его поглотила темнота.

Его затрудненное дыхание становилось все громче по мере того, как сознание угасало.

Палпатин ушел, довольный результатом своей встречи. Он в очередной раз подтвердил свое превосходство над джедаями, подталкивая их все ближе к краю пропасти. Хотя он и не знал точного местонахождения мастера Йоды, это было незначительным неудобством, как и сам Йода.

Что еще более важно, эта встреча дала ему возможность проявить свою решимость и разъяснить молодому человеку, что его ждет в будущем, если он продолжит идти по этому пути. За все приходится платить, и молодой человек скоро узнает эту истину. Любое сопротивление встретит непреодолимый отпор. То, обнаружил ли Палпатин тайник Йоды, не имело большого значения — возможно, не совсем. Возможно... Палпатин ухмыльнулся. Окончательное возмездие за неповиновение будет отложено на потом, что сделает его еще более ценным.

Когда он перейдет на темную сторону и будет полностью контролировать нового ситха, тот, несомненно, охотно все расскажет. Это был шепот Силы. И его первой задачей, как нового Лорда Ситхов, было вернуться в убежище Йоды и уничтожить Мастера-джедая. По правде говоря, у него уже была сила уничтожить беспокойного джедая — ему просто не хватало решимости. Палпатин позаботился об этом; его слово было непреложным. Он радостно захихикал, даже не беззвучно.

<http://tl.rulate.ru/book/118587/4737042>